

Маргарита Валуа

Она была красивейшей из красавиц. Ее черты были так прекрасны, что сам пресыщенный нечестивец Дон Жуан избрал бы ее своим идеалом. Очарование Маргариты Валуа было под стать ее мудрости. Но ум и красота — не залог любви и счастья. Принцесса Маргарита обещана в жены молодому красавцу принцу Генриху, будущему королю Наварры, а впоследствии и всей Франции. В этом союзе ее ждут лишь политика, интриги врагов и борьба за власть. И лишь сила характера и убежденность в праве женщины любить и быть любимой помогут выстоять той, которую вскоре нарекут королевой Марго.

Понсон
дю Террайль

МАРГАРИТА
ВАЛУА

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ПОНСОН ДЮ ТЕРРАЙЛЬ

МАРГАРИТА
ВАЛУА

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

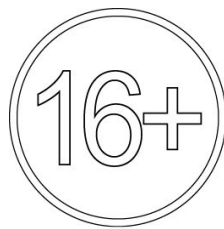

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8152-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с французского под редакцией *Е. Н. Ахматовой*

Дизайнер обложки Петр Вихорь

Вона була найкрасивішою з красунь. Її риси були такі прекрасні, що сам пересичений нечестивець Дон Жуан обрав би її своїм ідеалом. Чарівність Маргарити Валуа була до пари її мудрості. Але розум і краса — не запорука любові й щастя. Принцеса Маргарита обіцяна за дружину молодому красеню принцу Генріху, майбутньому королю Наварри, а згодом і всієї Франції. У цьому союзі на неї чекають політика, інтриги ворогів і боротьба за владу. І лише сила характеру й переконання в праві жінки кохати й бути коханою допоможуть вистояти тій, котру скоро назвуть королевою Марго.

Понсон дю Террайль П. А.

П56 Маргарита Валуа : роман / Пьер Алексис Понсон дю Террайль ; сост. серии О. А.

Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 304 с. —
(Серия «Женские судьбы», ISBN 978-617-12-7950-6)

ISBN 978-617-12-8086-1

Она была красивейшей из красавиц. Ее черты были так прекрасны, что сам пресыщенный нечестивец Дон Жуан избрал бы ее своим идеалом. Очарование Маргариты Валуа было под стать ее мудрости. Но ум и красота — не залог любви и счастья. Принцесса Маргарита обещана в жены молодому красавцу принцу Генриху, будущему королю Наварры, а впоследствии и всей Франции. В этом союзе ее ждут политика, интриги врагов и борьба за власть. И лишь сила характера и убежденность в праве женщины любить и быть любимой помогут выстоять той, которую вскоре нарекут королевой Марго.

УДК 821.133.1

© DepositPhotos.com / nickp37, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

I

Однажды вечером в июле 1572 года два всадника неслись по дороге, соединяющей города По и Нерак. Это были два очень молодых человека, и пушок над их верхней губой говорил о том, что им едва ли идет двадцатый год. Один из них был брюнет, другой — блондин. Первый носил волосы коротко остриженными, у второго на плечи ниспадал целый каскад белокурых кудрей.

Ночь была ясной и темной, одной из тех, какие бывают на юге. Звезды ярко сверкали на темно-синем небе, оставляя землю в глубоком мраке. Слегка повернувшись в седле и склоняясь друг к другу, всадники вполголоса разговаривали.

— Ноэ, милый друг мой, — сказал брюнет, — согласишься, что в такую теплую, ясную ночь очаровательно нестись по пустынной, молчаливой дороге!

— А знаете ли, Анри, — смеясь, ответил блондин, — это особенно хорошо тогда, когда покидаешь Нерак с наступлением глубокой ночи, чтобы направиться к хорошенькому замку, в котором имеется одно окно, открывающееся для вас с полуночи!

— Да тише же ты, болтун!

— Э, полно! — продолжал блондин. — Пусть я лишусь чести зваться Амори и пусть мой отец, сир де Ноэ, будет объявлен человеком дурного происхождения, если вы уже целый час не сгораете желанием, чтобы я произнес имя Коризандры, графини де Граммон!

— Ноэ, Ноэ! — пробормотал брюнет. — Ты самый отвратительный доверенный на свете! Ты беззаботно кидаешься именами, которые может подхватить придорожное эхо, а ведь надо же знать, какой тонкий слух у ревнивых мужей!

— А вот тот пункт, к которому именно и хотел прийти я! — заявил блондин.

— То есть как, чудак? Ты хотел бы...

— Я хотел бы, чтобы вы согласились, что вы чересчур отважны, Анри!

— Ну вот еще!

— Два раза нам повезло: один раз вы притаились за занавесом, когда граф неожиданно зашел к жене, а в другой раз вы провели ночь на ветвях ивы...

— Ну что же, это было летом, и я на славу выпался!

— Да, но вы должны знать, что граф, который так же уродлив, как ревнив, прикажет убить вас из-за угла, если у него не хватит решимости всадить вам кинжал в сердце своей рукой!

— Милый Ноэ, — сказал брюнет, — разве тебе не приходилось читать сказки моей бабушки, Маргариты Наваррской?

— Конечно да. Ну и что?

— Там имеется одна сказка, в которую вложена интересная мысль о любви. «Любовь, — говорит Маргарита Наваррская, — это очаровательная страна, пока туда приходится добираться трудной, крутой, полной препятствий и капканов дорогой. Но в тот день, когда туда удастся проложить отличную прямую дорогу, эта страна превращается в несимпатичную местность, лишенную притягательной силы».

— Вот уж, признаться, я не совсем понимаю это, — наивно заметил Амори де Ноэ.

— А я сейчас разьясню тебе, — пришпорил коня брюнет. — Моя бабушка пользовалась риторическими фигурами, чтобы выразить следующее: трудная, крутая дорога — это, видишь ли, ревнивый муж, окно, открывающееся только в полночь, кинжал наемных убийц, поджидающих нас в темном углу, ночь, проведенная верхом на ветви ивы. Ну а хорошо наезженная, большая дорога — это отсутствие всего перечисленного мною: то есть возлюбленная, которую навещаешь среди бела дня, спокойно оставляя лошадь у дверей; возлюбленная, которая без всякого страха называет тебя своим милым и охотно отдает то, что гораздо приятнее украсть!

— А вы, значит, не любите наезженных дорог?

— Я? — презрительно произнес брюнет. — Да если когда-нибудь черт возьмет этого Граммона и Коризандра широко распахнет предо мной двери своего дома, я велю сказать ей, что не люблю таких помещений, в которые нет надобности проникать через окно, и боюсь навещать свою возлюбленную среди бела дня, так как рискую обнаружить у нее морщину на лбу, а то и целое бельмо на глазу!

— Аминь! — пробормотал Амори.

— Кстати, знаешь ли ты, что сегодня мы в последний раз отправляемся в Бомануар?

— Разве вы не любите больше Коризандру?

— Да нет, но завтра мы уезжаем отсюда!

— Уезжаем? — с удивлением переспросил Ноэ. — Но куда?

— Это я скажу тебе на обратном пути от Коризандры...

В этот момент лошади сами круто свернули с дороги и направились по боковой тропинке. Видно было, что они уже привыкли к этому пути и знали все его повороты. Действительно, через несколько минут они самостоятельно съехали с тропинки в густой кустарник и остановились там. Брюнет соскочил на землю, отдал повод своему спутнику, затем закутался в плащ, надвинул шляпу глубоко на глаза, проверил, легко ли вынимается из ножен кинжал, подвешенный к поясу, после чего быстро и легко пустился бежать среди молодой поросли.

Через четверть часа он дошел до стен замка. Впрочем, это был скорее деревенский дом, чем замок, так как лишь массивная дубовая, окованная железом дверь и пара громадных пиренейских собак составляли всю охрану его обитателей, несмотря на то что в те времена были часты гражданские войны и политические смуты.

Брюнет осторожно обошел замок, пока не добрался до деревьев, росших около башенки. Здесь он приложил два пальца к губам и издал протяжный свист, после чего повалился на землю, стараясь, чтобы его не было видно среди густой травы. При этом его взор не отрывался от окон башенки, которые были темны, как и все остальные в этом доме.

Вдруг в одном из окон первого этажа башенки блеснул свет, но сейчас же потух. Молодой человек подошел к башенке. Окно, в котором до этого блеснул свет, открылось, к ногам молодого человека упала шелковая лестница, и он принялся взбираться по ней с ловкостью кошки.

Когда он поравнялся с открытым окном, оттуда протянулись две белоснежные руки и ласково втянули его в комнату, после чего лестница была вновь убрана обратно и окно закрылось.

— Ах, милый Анри, — пролепетал свежий голос, которому вложенная в него любовь придавала несравненную гармонию. — Ах, Анри, как поздно явились вы сегодня!

Товарищ Амори де Ноэ очутился в очаровательном гнездышке, именовавшемся молельней, но служившем в те времена будуаром. Алебастровая лампа излучала таинственный свет, освещая итальянские картины, флорентийскую бронзу, огромный восточный

ковер и дубовую мебель двойной резьбы. В одно из этих дубовых кресел и села фея этого жилища, предусмотрительно убрав шелковую лестницу и закрыв окно. Молодой человек встал около нее на колени и взял ее руки в свои.

Это была женщина лет двадцати четырех, белокурая, словно мадонна Рафаэля, и белая, словно лилия, — северный цветок, пересаженный под пламенное южное небо, голубоглазый демон с иронической, насмешливой улыбкой нежных уст. Эту женщину звали Диана Коризандра д'Андуэн, графиня де Граммон.

— Диана, дорогая моя Диана, — прошептал юноша, целуя белые надушенные руки графини. — Почему вы так сурово сдвигаете свои милые брови и так укоризненно смотрите на меня?

— Но подумай сам, Анри, — улыбаясь, ответила она, — ведь теперь уже почти два часа!

— Это правда, любовь моя. Ноэ попадет от меня за это: он вечно заставляет меня дожидаться его.

— Ты вовсе не думаешь, Анри, о том, что теперь у нас июль месяц, когда в три часа делается уже совершенно светло, — продолжала молодая женщина, сопровождая свои слова нежным взглядом. — Ну подумай только, возлюбленный мой, ведь я погибну, если тебя встретят на заре в окрестностях Бомануара! Он убьет меня! — шепотом прибавила она. — Да и тебя он тоже не пощадит. Ведь если у него явится хоть малейшее подозрение, он не задумается убить тебя, хотя бы ты был тысячу раз принцем!

— Ты забываешь, Диана, что нам покровительствует божок всех влюбленных, — с улыбкой ответил Анри и продолжал, как бы подчиняясь внезапному приливу грусти: — Бедная Диана! Так ты не знаешь, что я пришел проститься с тобой по крайней мере на целый месяц?

— Проститься? Да ты с ума сошел, Анри!

— Увы, нет, дорогой друг мой, я уезжаю. Мать желает, чтобы я отправился в Париж к французскому двору...

— О, не ездь туда, Анри, не ездь! — с ужасом воскликнула графиня. — Ведь ты — гугенот, мой дорогой принц, и с тобой там случится что-нибудь дурное!

— Глупенькая! — ответил Генрих Наваррский. — Не бойтесь, ведь я еду в Париж инкогнито. Зачем — этого я не знаю. Завтра королева-

мать вручит мне запечатанное письмо с инструкциями, но вскрыть его я имею право лишь в Париже!

— Все это крайне странно, — с задумчивым видом произнесла графиня. — Не может быть сомнений, что тут имеется какая-то политическая цель, которой мы и не подозреваем.

— Диана, красавица моя! — воскликнул принц. — Разрешите мне зажать вам рот поцелуем! Ведь в нашем распоряжении имеется всего какой-нибудь час, и жаль было бы потратить его на тщетные догадки!

— Ты прав! — сказала она, обвивая его руками.

Час быстро пролетел; вскоре на горизонте появилась беловатая полоса рассвета, и Генрих Наваррский, подобно Ромео, расстающемуся с Джульеттой, воскликнул:

— Боже мой, Диана! Вот и день...

Она снова обвила его руками, осыпала страстными поцелуями, заставила в сотый раз повторить клятвы вечной любви и потом прибавила:

— Слушай-ка, дорогой, ведь ты еще никогда не бывал в Париже?

— Как же! Восемилетним мальчиком...

— Ну, это все равно как если бы ты и вовсе не был там! Париж полон соблазнами и всяческими ловушками, и тебе необходимо иметь там верного, преданного друга. Для этого я дам тебе письмо к горожанину, с женой которого мы воспитывались вместе на моей родине. Видишь ли, дорогой мой, маленькие люди часто бывают нужнее и полезнее, чем большие, а этот горожанин предан мне всей душой и пойдет за тебя на смерть, если будет знать, что я люблю тебя. А если ты порастрясешь свой кошелек, то он даст тебе и денег, но не под ростовщические проценты, а только из желания оказать услугу.

— Значит, он очень богат?

— Очень. Это ювелир по имени Лорьо.

— Ну так что же, — ответил Генрих, — дай мне это письмо, и я отправлюсь к Лорьо, хотя бы лишь из желания поговорить с ним о тебе!

— Ты когда едешь, Анри?

— Завтра с заходом солнца.

— Вот и отлично, до этого времени я доставлю тебе рекомендательное письмо. А теперь до свидания, голубчик, становится совсем светло!

Графиня осторожно выглянула в окно, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, а затем основательно привязала лестницу. Генрих Наваррский обменялся с нею последним поцелуем и быстро скрылся за окном.

II

Через неделю юный Генрих Наваррский в сопровождении Амори де Ноэ был уже на пути в Париж, снабженный инструкциями своей матери, Жанны д'Альбре, и письмом прекрасной Коризандры к подруге ее детства, жене ювелира.

В тот момент, когда наших героев застаёт этот рассказ, наступала ночь. Всадники ехали с самого утра, рассчитывая добраться до Блуа, где они хотели заночевать. По их расчетам, уже давно должны были показаться кресты блуарского собора, но они ехали и ехали, а все еще не было никаких признаков близости города. Между тем в воздухе чувствовалась гроза и небо было загромождено тяжелыми черными тучами, которые неминуемо должны были в самом непродолжительном времени просыпаться злейшим ливнем.

— Да ну же, Анри, — поторопил Ноэ, — подгоните свою лошадь. Нас сейчас застигнет гроза. Да и какая гроза еще! Моя лошадь уже дрожит подо мной!

— Вот еще! — возразил принц. — Ты достаточно хороший наездник, друг Ноэ, и сумеешь справиться с нею!

— Да, но я не люблю промокать...

— Летний дождь только освежает. К тому же наши лошади изнурены...

Сильный удар грома, заставивший лошадь принца взвиться на дыбы, прервал его речь. В то же время крупные капли дождя забарабанили по дороге.

— Дело в том, — пояснил Ноэ, — что, сколько я ни смотрю вперед, я все не вижу ни крыши, ни трубы...

— Зато я вижу какого-то человека, который едет верхом.

— Его вижу и я, да ведь человек не то, что дом: под ним не укроешься от дождя и бури!

— Но человек может указать, где здесь поблизости имеется кров! — ответил принц, сейчас же обращаясь к проезжавшему с соответствующими расспросами.

Увы, в ответах, которые дал встреченный крестьянин, было мало утешительного. Блуа находилось от этого места по крайней мере в пяти лье, никакой деревушки поблизости не было, ближайшая гостиница располагалась в двух лье.

— Бедный Ноэ! — с комическим сожалением воскликнул принц. — Уж придется тебе промокнуть!

— А если надо укрыться от дождя, — сказал крестьянин, — то в нескольких минутах езды отсюда имеется на берегу Луары большая пещера, в которой вы отлично поместитесь с лошадьми!

Принц кинул крестьянину монету и дал лошади шпоры. Действительно, в последних проблесках вечера они вскоре увидели зиявшее тьмой отверстие большого грота. Сильная молния позволила им сориентироваться еще лучше. Ноэ первым въехал в пещеру, не слезая с лошади, и принц последовал его примеру. Почти сейчас же вслед за этим гроза разразилась со страшной силой. Удары грома и вспышки молний следовали друг за другом почти без перерыва, освещая блуарскую долину и будя спящее эхо. Всадники привязали лошадей в дальнем углу пещеры, а сами уселись на кучу сухих листьев, очевидно, собранную прежними гостями пещеры.

— Да! — произнес Ноэ. — Этот грот кажется мне прекраснее всех парадных комнат Нерака. Согласитесь, Анри, если бы мы располагали здесь добрым куском дичи и бутылью белого вина, то могли бы просто смеяться над грозой!

— О, я хотел бы лишь держать в своих руках белую ручку Коризандры! — со вздохом ответил принц.

Ноэ насмешливо свистнул, отказываясь разделять любовную тоску принца. Вдруг странные звуки, донесшиеся сквозь вой и грохот бури, заставили молодых людей оторваться от своих дум и броситься к самому краю пещеры. И как раз в то время, когда они подбежали к выходу, сильная молния, сейчас же сменившаяся непрерывным рядом других, осветила им такую картину: по дороге неслась всадница, погонявшая свою лошадь ударами хлыста, а за нею летел догонявший ее мужчина, с заметным итальянским акцентом кричавший ей:

— Ну на этот раз ты не уйдешь от меня, красавица!

Молодые люди услышали крик отчаяния, и в тот же момент всадница обернулась, вытянула руку и выстрелила в нагонявшего ее мужчину из пистолета. Лошадь последнего поднялась на дыбы и сейчас же рухнула на землю, увлекая за собой и всадника. Преследуемая женщина прихлестнула свою лошадь и быстро скрылась во мраке.

Все это произошло так быстро, так неожиданно, что принц и его спутник не успели так или иначе вмешаться. Но когда они увидели, что всадник здоровым и невредимым встал из-под трупа убитой под ним лошади, Ноэ не смог удержаться от громкого смеха.

Незнакомец обернулся на этот смех и при новой вспышке молнии увидел пещеру, молодых людей, стоящих у ее входа, и двух лошадей, привязанных в углу.

— Клянусь Мадонной! — крикнул он. — Лошади! Это неожиданная удача! — И, не обращая внимания на назойливый смех молодых людей, он подошел к ним и окинул их пытливым взглядом опытного человека.

Принц и его спутник были одеты более чем просто. По камзолам из грубого сукна, фетровым шляпам без перьев и грубым кожаным сапогам их можно было принять за бедных дворян, едущих в Париж на поиски счастья. Поэтому незнакомец поспешил принять покровительственный вид и надменно произнес:

— А! У вас имеются лошади, плуты вы такие!

— О да, — не менее надменно отреагировал принц, — в этом отношении мы счастливее вас!

— Вот что, — продолжал незнакомец, — я во что бы то ни стало должен догнать эту женщину...

— Это будет трудновато, — в тон ответил принц.

— Разве ваши лошади недостаточно хороши?

— О, вполне достаточно! Только мы прибережем их для самих себя!

Наглая улыбка скользнула по дерзкому желтовато-оливковому лицу незнакомца, и он заявил:

— Ну, когда вы узнаете, кто я такой, вы не откажетесь продать мне одну из своих лошадей!

— Ба! Да уж не французский ли вы король? — насмешливо спросил Ноэ.

— Нет, но я гораздо выше короля!

— Выше короля? — рассмеялся Генрих. — В таком случае вы должны быть римским папой — только он выше короля!

— Я не папа, зато я фаворит королевы Екатерины Медичи!

— Ну это-то будет чуть-чуть поменьше короля! — ответил принц, которого забавляла надменность незнакомца.

— Вот что, милые мои провинциалы, — теряя терпение, заговорил незнакомец. — У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на праздную болтовню. Выбирайте: или вы продадите мне одну из лошадей, за которую я заплачу вам столько, сколько вы пожелаете, или вы наживете во мне такого врага, который в самом непродолжительном времени отправит вас на виселицу. — Поскольку Генрих и Ноэ ответили громким пренебрежительным смехом, незнакомец обнажил шпагу и продолжал: — Или вам придется поиграть со мной вот этой игрушкой, господа!

— Батюшки! — оживился принц. — Это дело мне очень подходит! Я уже давно не фехтовал и буду рад поразмяться.

— Простите, Анри, — перебил Ноэ, — начать с этим господином должен я! Уж позвольте...

— Нет, я, — заспорил принц.

— Да ну же, поскорее! — нетерпеливо окрикнул незнакомец молодых людей. — Не препирайтесь, пожалуйста, хватит на вас обоих, мои задорные петушки! Меня зовут мэтр Рене Флорентиец, и должен предупредить вас, что я большой мастер шпаги!

— Так и я неплохой ученик, — усмехнулся Генрих.

Флорентиец не лгал, когда назвал себя мастером шпаги, и с первых же моментов сын Жанны д'Альбре убедился в этом. Но на стороне Генриха была юная эластичность и подвижность тела, отчаянная храбрость и редкое присутствие духа. Кроме того, отец Генриха, король Антуан де Бурбон, научил его всевозможным итальянским штучкам, и попытки Рене поймать принца на миланские или флорентийские финты сразу потерпели крах. Рене хотел вызвать своего противника на нападение, в котором легче уловить слабую сторону, но Генрих достаточно знал свои силы и упорно держался оборонительной тактики.

Фаворит королевы Екатерины начинал терять терпение, ведь каждая минута промедления все увеличивала расстояние между ним и женщиной, которую он так страстно хотел догнать, а потому, чтобы покончить со своим противником, он решился на знаменитую глассаду. Но Генрих знал от отца, что итальянские мастера шпаги всегда прибегают к этому резкому выпаду, стремительность которого зачастую парализует все попытки противника парировать удар, а потому был настороже, и, когда шпага Флорентийца прямой молнией

сверкнула в воздухе, он успел отклониться в сторону. Клинок Рене встретил пустое пространство, а в это время принц изо всех сил ударил королевского фаворита рукояткой шпаги по голове, прибавив:

— А вот и мой ответ на глиссаду! Ответ недурен, не правда ли, мэтр Рене?

Итальянец глухо простонал и тяжело рухнул на землю.

Ноэ бросился к нему.

— Не беспокойся, милый мой, — заметил принц, когда Ноэ положил сраженному свою руку на сердце, чтобы уловить, бьется ли оно. — Он жив, потому что удар такого рода не убивает, а только оглушает. Он просто в обмороке и через какой-нибудь час придет в себя.

— Анри, — позвал Ноэ, — вы слышали его имя? Ведь это Рене Флорентиец, парфюмер королевы-матери, злодей, смерть которого была бы только угодна Богу!

— Если это так, то я жалею, что не убил его.

— Ну, время еще не потеряно...

— Что такое? — спросил принц.

— Достаточно ткнуть его шпагой. Это могу сделать я, если вы брезгуете.

— Ноэ, ты что? Прикончить лежачего?!

— Змею всегда надо приканчивать, раз ее встретишь.

— Не спорю. Но змея, на которую наступаешь ногой, способна ужалить в пятку, а человек в обмороке даже и этого не может!

— Анри, — с тревогой произнес юный Амори де Ноэ, — у меня есть предчувствие, что этот человек сыграет страшную роль в вашей жизни, если вы не убьете его. Поверьте, когда-нибудь вы пожалеете, что не ткнули его шпагой в сердце!

— Ты с ума сошел, Ноэ!

— Нет, Ваше Высочество, нет! Словно завеса отдернулась предо мною, и я как бы читаю в будущем!

— В этом-то и заключается твоя ошибка! Гораздо лучше читать в прошлом, чем в будущем!

— Но почему?

— А потому, что в прошлом ты прочел бы, что меня зовут Генрихом Бурбоном, что я прямой потомок Людовика Святого и что я не из тех людей, которые добьют сами или позволяют добить в своем присутствии беззащитного человека.

— Вы правы, — поникнул головой Ноэ. — Как досадно, что вы не уступили мне первой очереди драться с этим проклятым итальянцем! Уж я-то убил бы его!

— Однако гроза проходит, — заметил Генрих. — Едем, голубчик Ноэ! Голод страшно терзает меня!

Они вывели лошадей и помчались, оставив при дороге бесчувственного Рене.

— Мне очень хотелось бы знать, — задумчиво промолвил Генрих, — кто была та женщина, которую преследовал этот негодяй. Она так ловко выбила его пистолетным выстрелом из седла! Но красива ли она? Молода ли? Вот что меня интригует!

— Анри, — добродушно смеясь, ответил Ноэ, — я хотел бы иметь в своем распоряжении гонца, которого можно было бы отправить в Наварру, чтобы передать прекрасной Коризандре, что принц Генрих...

— Да тише ты, несчастный! — остановил его Генрих, и они молча поскакали дальше.

III

Под вечер следующего дня юный наваррский принц и его спутник отдыхали в жалкой гостинице «Свидание волхвов», расположенной между Блуа и Божанси. Хозяин потрошил у дверей довольно тощего гуся, хозяйка расставляла стол, служанка разводила огонь, а работник чистил скребницей лошадей наших героев, которые сидели верхом на большом бревне перед домом, беззастенчиво повернувшись спинами друг к другу. Амори читал какую-то книгу, Генрих Наваррский мечтал о чем-то.

— Черт возьми! — обратился он наконец к своему товарищу. — Какая у тебя жажда чтения, милый мой Амори! А что ты читаешь?

— Сочинение аббата Брантома под названием «Галантные дамы»¹. Надо же как-нибудь убить время, тем более что Ваше Высочество с самого утра не снизошли в разговоре со мной даже до трех слов. Вот и надо было как-нибудь обойтись своими средствами!

— Твоя независимость мне очень нравится, но...

— Но Ваше Высочество решили все-таки снизить до беседы со мной?

— Как самый обыкновенный смертный. Видишь ли, милый мой, меня крайне занимает одно обстоятельство. Ты знаешь, что Коризандра дала мне письмо к своей подруге детства?

— Знаю. Ну и что же?

— А то, что я был бы не прочь узнать, что заключается в этом письме!

— К сожалению, оно перевязано хорошенькой шелковой тесемочкой, которая припечатана голубым воском, и было бы очень неделикатно вскрыть его.

— Ну вот еще! Раз оно написано женщиной, которая меня любит... Да и не в том дело! Сам бы я не решился сломать печать, но, увы, — тяжело вздохнул Генрих, — со мной случилась неприятность: сегодня утром я неосторожно оставил письма матери и Коризандры на солнце. Было очень жарко, воск растаял и стек. Вот посмотри!

— Солнце могло растопить воск, — возразил Ноэ, — но развязать узелок?

— Да, и тем не менее...

— О, я заранее знаю, что вы хотите сказать, Анри. Узелок можно потом завязать опять! Если бы разговор шел о письме вашей матушки, тогда другое дело, потому что тут только разница во времени: Ее Величество предписала вскрыть ее письмо по прибытии в Париж, а вы сделаете это немного раньше, только и всего. Но письмо графини де Граммон...

— Раз ты находишь, что это дурно...

Генрих не закончил фразу, так как его внимание отвлек шум, послышавшийся с молчаливой пустынной дороги. Действительно, к гостинице «Свидание волхвов» подъезжала группа из двух всадников и одной всадницы. Впереди скакал жирный старик в камзоле коричневого сукна, в шляпе без пера и вооруженный аркебузой, подвязанной к его седлу. Все это явно указывало на то, что он не дворянин. Позади него ехал слуга с двумя большими чемоданами. Женщина, замыкавшая кортеж верхом на прелестной белой лошади, тоже была одета не по-дворянски, но казалась такой хорошенькой, несмотря на маску (в те времена женщины часто путешествовали в масках), была так изящна и тонка, так ловко сидела в седле, что можно было заподозрить в ней знатную даму, путешествовавшую инкогнито.

— Эй, хозяин! — крикнул горожанин, приближаясь к гостинице.

Трактирщик лениво поднял голову и безразличным тоном спросил:

— Что вам угодно?

— Вот это мне нравится! — подивился горожанин, соскакивая на землю. — Что мне угодно? Мне угодно поужинать и переночевать здесь.

Вместо ответа трактирщик красноречиво перевел взгляд на Генриха и Ноэ, как бы желая выразить этим, что, раз у него остановились знатные проезжие, он не очень-то дорожит какими-то там мещанами.

— Эй, хозяин! — заметил ему Генрих. — Да ты никак отказываешься от лишней клиентуры?

— Уж простите, ваша милость, — ответил смущенный трактирщик, — но я не рассчитывал, что будет сразу такая масса постояльцев, а... — И вместо окончания фразы он поднял в воздух своего гуся.

— Понимаю! — ухмыльнулся Генрих. — Этот гусь предназначен нам, и у тебя больше ничего нет. Не велика беда! Мы поделимся гусем

с этим господином. — И, повернувшись к незнакомцу, принц приветливо добавил: — Приглашаю вас, любезный, отужинать с нами.

Горожанин поклонился чуть не до земли и пробормотал несколько благодарственных слов. В это время и трактирщик быстро сменил небрежность на самую угодливую услужливость. Он подскочил к молодой женщине, помог ей сойти с седла и крикнул работнику:

— Живо, Нику! Сейчас же расседлать лошадей и дать им через четверть часа двойную порцию овса!

— Ваша милость, — залепетал тем временем горожанин, подходя ближе к принцу. — Я тронут вашей любезностью и вижу, что имею дело с представителем истинной аристократии. Какой-нибудь выскочка, дворянин с вчерашнего дня, нарочно постарался бы съесть гуся целиком!

— Господи, о чем тут и говорить? — весело ответил Генрих. — Мы съедем гуся вместе и польем его лучшим вином, какое найдется у нашего хозяина!

— О, что касается вина, то у меня с собой мех такого сорта, что...

Но принц не слушал, как горожанин восхвалял достоинства захваченного в дорогу винного запаса. Словно зачарованный, смотрел он на незнакомку, которая, сняв маску, оказалась гораздо красивее, чем можно было ожидать по ее фигуре. Ей было лет двадцать пять. Лилейная белизна кожи эффектно оттеняла иссиня-черные волосы, пунцовые губы и голубые, немного печальные глаза. Когда она проходила мимо Генриха, тот так стремительно соскочил с бревна, так почтительно поклонился ей, что Ноэ не сдержал усмешки.

«Ого! — подумал он. — Еще сегодня утром принц уверял меня, что его неразговорчивость объясняется думами о Коризандре, ну а теперь... как знать?»

Тем временем горожанин попросил отвести им комнаты, подошел к молодой даме, подал ей руку и увел в дом. Генрих мечтательно посмотрел им вслед.

— Однако! — покачал головой Ноэ. — Что вы скажете об этой мещаночке, Анри?

— Она очаровательна, голубчик Амори.

— Не хуже Коризандры?

— Ну вот! — недовольно фыркнул принц, сконфуженный подобным сравнением. — Я засмотрелся на нее просто потому, что мне пришла

в голову странная мысль: не та ли это женщина, которую прошлой ночью преследовал Рене Флорентиец?

— Но ведь та была на черной лошади, а эта — на белой...

— Велика важность! Лошадь легко переменить. Но что-то в ее манерах и движениях говорит мне, что это она. Впрочем, ладно. Эй, поваришка! — крикнул он трактирщику. — Скоро ты справишься со своей стряпней? Я голоден!

— Анри, — лукаво шепнул Ноэ, — готов держать пари, что вам не хочется ни есть, ни пить, а просто не терпится повидать поскорее вашу незнакомку.

— Да замолчи ты, глупый человек!

— И я нисколько не удивлюсь, если вы «втюритесь» в нее, как вульгарно выражается Брантом в «Галантных дамах».

— Я люблю Коризандру! — пылко возразил принц.

— О, я верю, верю, — подхватил Ноэ с насмешливой улыбкой, — но в путешествии отсутствующая возлюбленная точно так же теряет свои права, как муж, уехавший на войну или на охоту.

— Ноэ, ты богохульствуешь. Ты отрицаешь любовь?

— Ничего подобного. Просто я философ, имеющий свои принципы.

— А в чем заключаются твои принципы?

— В том, что нет никакого греха снять ризу с иконы святого Петра, если хочешь надеть ее на икону святого Павла.

— Не понимаю.

— Я говорю, подобно вашей бабке Маргарите Наваррской, языком притч. Риза — любовь, икона — женщина, которую обожаешь. И если риза всегда со мной, а в путешествии мне вместо святого Петра встретился святой Павел, то, сами понимаете...

— Милый мой Ноэ, ты просто развращенный вольнодумец!

Я отвергаю такие нечестивые принципы!

— Посмотрим-посмотрим! — усмехнулся молодой человек.

В этот момент в дверях показался хозяин, почтительно доложил, что гусь шипит на вертеле, и попросил своих гостей, пока жарится мясо, соблаговолить отдать честь матлоту из угря, тушеной турецкой свинине и остатку кабаньего окорока, не пренебрегая парой запыленных бутылок старого вина.

Как раз тут появился и горожанин с молодой женщиной. Генрих любезно подскочил к даме, подал ей руку и усадил на почетное место

справа от себя.

Принялись за еду. Горожанин вел себя очень прилично: не болтал лишнего, хотя и не отмалчивался, был почтителен без низкопоклонства и угодливости, любезен без навязчивости. Молодая женщина, к которой он обращался на «вы», называя ее Саррой, тоже держалась прелестно: она мило отвечала на комплименты и галантные шутки принца и его спутника, но при этом ее лицо оставалось печальным.

Принц старался с помощью ловких расспросов выведать, кто такие его собеседники. Что старика звали Самуилом, Генрих узнал из обращения к нему Сарры, но от каких-либо разъяснений Сарра и Самуил решительно уклонялись, ограничившись замечанием, что едут из Тура в Париж. Как только ужин закончился, Сарра ушла к себе в комнату, а Самуил отправился в соседнее помещение, где ему приготовили постель.

— Пойдем подышим свежим ночным воздухом, — предложил принц, увлекая Ноэ на улицу.

— Уж не собираетесь ли вы толковать со мной о Коризандре?

— Ты все смеешься! — обиделся Генрих.

— Ничуть. Просто мои предсказания сбываются, и вы уже «втюрнулись» в хорошенькую мещаночку.

— Ошибаешься. Хотя не скрою, что меня интригует: кем она приходится этому горожанину? Дочерью, женой? И она ли та женщина, которую вчера преследовал Рене?

— Ну, все это не так-то легко узнать.

— Если, допустим, это его дочь...

— Что тогда? — ухмыльнулся Ноэ.

— В таком случае у него славная дочь, только и всего. Но если это — его жена, тогда...

— Ах, бедная Коризандра! — рассмеялся Ноэ.

— У тебя отвратительная манера издеваться! — воскликнул Генрих, кусая губы. — Я докажу тебе, что ты ошибаешься, и уйду спать.

Войдя к себе в комнату и приказав подать лампу, Генрих не раздеваясь уселся на кровать и глубоко задумался, но не о Коризандре, а о прелестной незнакомке.

— Кажется, Ноэ прав, — пробормотал он. — Я готов забыть Коризандру. Нет, я вижу лишь одно средство оживить в своей душе ее образ — вскрыть и прочесть ее письмо, адресованное подруге детства.

1 *Брантом Пьер де Бурдейль* (1540—1614) — французский историк и писатель, автор мемуаров «Жизнеописания знаменитых иностранных полководцев», «Жизнеописания знаменитых французских полководцев», «Жизнеописания знаменитых женщин» и ряда других. «Галантные дамы» — довольно откровенное произведение местами неприличного содержания, которое современники писателя называли фривольным и циничным. — *Здесь и далее примеч. ред.*

IV

Генрих Наваррский развязал узел шелковой тесемки, развернул письмо Коризандры, подвинул лампу и прочел: «Дорогая моя Сарра!»

Это имя заставило его вздрогнуть. «Сарра! — подумал он. — Ведь так зовут прелестную незнакомку? Но нет, Коризандра вскользь упомянула, что ее подруга никогда не уезжает из Парижа, так что я наверняка застану ее там. Следовательно, это — просто совпадение». Успокоив свои сомнения таким размышлением, он продолжал читать.

«Это письмо вручит тебе молодой дворянин мужественного вида и красивой наружности. Он впервые отправляется в Париж, и зовут его Генрих де Бурбон, принц Наваррский. Но тебе он представится под именем Анри, и ты не должна и виду подавать, что знаешь о нем что-нибудь большее, так как по воле своей матери, королевы Жанны д'Альбре, он должен жить в Париже инкогнито. Мой юный принц храбр, смел, остроумен, порядочен, но ему всего-навсего двадцать лет. Понимаешь? Нет? В таком случае я должна сделать тебе признание: я люблю его, и он любит (или воображает, что любит) меня. Он расстался со мной с самыми священными клятвами вечной любви. Однако что такое клятвы двадцатилетнего ребенка? Их уносит первый встречный ветер...»

«Ба, да уж не предвидела ли Коризандра, что я встречу такую прелесть между Блуа и Божанси?» — подумал Генрих, ненадолго прерывая чтение, а затем возобновил его.

«А я очень ревнива, милая Сарра, и сердце сжимается у меня при мысли, что там, в Париже, другая женщина полонит его сердце. Потому-то я и обращаюсь к тебе, Сарра, поручая тебе своего Анри. Вот что мне пришло в голову. Хотя мы и не виделись с тобой пять лет, с тех пор как ты вышла замуж за Лорьо, я уверена, что ты по-прежнему красива, если только не стала еще лучше. Наверное, большая толпа воздыхателей бродит с наступлением вечера около твоего дома. Так пусть же вместе с Анри одним воздыхателем станет больше! Если он увидит тебя, то сейчас же влюбится. Но ты столь же красива, как и добродетельна, а к тому же крепко любишь меня. Поэтому ты будешь просто кокетничать с ним, разжигая его

страсть, откладывая решительный шаг со дня на день. В пылу увлечения Анри прекратит обращать внимание на других дам и, таким образом, уцелеет для меня вплоть до своего возвращения домой, где я заставлю его поплатиться за попытки изменить мне! Вот та просьба, которую я имею к тебе, дорогая Сарра! До свидания. Вспомни наше милое детство в замке моего отца и продолжай по-прежнему любить меня. Я вкладываю в это письмо записочку к твоему старому мужу, который, надеюсь, в случае необходимости предоставит свой кошелек к услугам моего Анри. Еще раз всего хорошего. Твоя Коризандра».

— Черт возьми! — возмутился Генрих Наваррский, окончив чтение. — Да ведь Коризандра просто чудовище! Какое вероломство! Войдите! — крикнул он, услышав, что в дверь стучатся. — А, это ты! — обрадовался принц, увидев Ноэ.

— Господи! — опешил юный насмешник. — С вами все в порядке? Надеюсь, что Коризандра не поссорила нас и что...

— Коризандра — предательница! — перебил Генрих. — На-ка вот, полюбопытствуй, — прибавил он, протягивая письмо приятелю.

Амори недоверчиво взял лист бумаги и принялся читать его у лампы. Ни звука, ни восклицания не вырвалось у него как во время чтения, так и по окончании его.

— Ну, каково твое мнение? — спросил принц.

— Графиня очень ловкая женщина, — спокойно отозвался Ноэ.

— И как бы ты поступил на моем месте?

— Для начала опять завязал бы тесемку письма.

— А потом?

— Приехав в Париж, отнес бы письмецо по адресу, притворился влюбленным в красотку Сарру и сделал ее своей любовницей. Таким манером я наказал бы обеих подруг, затеявших такую интригу.

— Неплохой план, — кивнул принц, — но на это нужно время, а мы ведь не знаем, сколько проживем в Париже и куда должны будем отправиться оттуда.

— Но ведь у вас есть с собой письмо, в котором изложены все инструкции Ее Величества?

— Это письмо мне разрешено вскрыть только в Париже.

— А письмо графини вам вообще не позволяли вскрывать! — усмехнулся Ноэ.

— Ты прав! — поморщился Генрих. — Ладно, давай уж прочтем и матушкино послание.

Они вскрыли конверт, достали письмо и прочли следующее.

«Дорогой сын! Я не хотела заранее открыть Вам цель Вашего путешествия из боязни, чтобы роковая любовь, привязывающая Вас к графине де Граммон — женищине, красота которой не равняется ее нравственности, — не помешала Вам подчиниться моей воле. Но я надеюсь, что по прибытии в Париж Вы образумитесь и вспомните об обязанностях будущего короля по отношению к своему народу. Пока Вы ухаживали за Коризандрой, король Карл IX, наш кузен, вел со мной переговоры относительно Вашего брака с его сестрой Маргаритой де Валуа. По поводу этого-то брака я и посылаю Вас в Париж. Я опасаясь мести и интриг королевы Екатерины, а между тем Вам следует сначала лично убедиться, подходит ли Вам в жены принцесса Маргарита. С этой целью Вы отправитесь в Лувр и добьетесь возможности поговорить с господином де Пибраком, капитаном лейб-гвардии Его Величества короля Карла IX. Вы покажете Пибраку кольцо, полученное от меня, и тот сейчас же будет к Вашим услугам. Он представит Вас ко двору в качестве дворянина из Беарна, и Вы сможете присмотреться к принцессе Маргарите, а так как она очень красива, то Вы скоро позабудете об этой интриганке Коризандре. В заключение прибавлю, что Вы должны всецело полагаться на Пибрака, которому я дала подробные инструкции. Берегитесь также дать заподозрить в себе что-либо иное, кроме бедного беарнского дворянина, кошелек которого отнюдь не отличается толщиной!»

— Час от часу не легче! — потер лоб Генрих, крайне удивленный текстом письма.

— По-моему, — осторожно заметил Ноэ, — Ее Величество совершенно права, желая женить вас, но я не думаю, что принцесса Маргарита подходит вам в жены.

— Почему? Разве она не хороша собой?

— Наоборот, я слышал, что она редкостная красавица.

— Она злая, наверное?

— Напротив, она так добра, что никому ни в чем не может отказать, и говорят...

— Говорят?

— Ну, мало ли что болтают! — махнул рукой Ноэ. — Сплетни меня не касаются. Главное то, что Маргарита — католичка, а вы — гугенот, и мало хорошего, когда жена отправляется на мессу, а муж — на протестантскую проповедь!

— Да, это правда, — задумчиво ответил принц.

— С другой стороны, — продолжал Амори, — ваша матушка слишком искусна в политических вопросах, чтобы заранее не учесть тех нюансов, которые мы только что обсудили. Следовательно, у нее имеются достаточные основания желать этого брака, и на вашем месте я без дальнейших размышлений последовал бы всем предписаниям Ее Величества, а пока, не думая ни о принцессе Маргарите, ни о графине Коризандре, улегся бы отдыхать. — И, подкрепляя свои слова действием, Ноэ тут же отправился в постель и через четверть часа спал глубоким сном.

Принц потушил лампу, но сон не шел к нему: его продолжал мучить вопрос: прекрасная Сарра — жена или дочь старика? Среди этих размышлений он услышал шум на улице. Похоже, к гостинице приближался большой конный отряд. Подчиняясь охватившему его любопытству, Генрих встал и прижался лицом к вырезу в ставне.

Действительно, он увидел всадников, спешившихся около дома. Один из них подошел к входу и постучал; хозяин открыл ему, и посетитель исчез в дверях. Генрих Наваррский заметил на полу у своей кровати луч света и явственно расслышал голос трактирщика. Так как комната принца находилась как раз над кухней, он понял, что хозяин зажег лампу, чтобы встретить таинственного посетителя. Тогда Генрих осторожно лег на пол и заглянул в щель, через которую пробивался свет. Он заметил, что трактирщик вполголоса говорит с человеком, которого принц тотчас же узнал. Это был Рене Флорентиец.

«Ого! — опешил принц. — Похоже, мне следует разбудить Ноэ. Весьма вероятно, что нам придется пустить в ход оружие!»

V

Осторожно ступая на цыпочках, принц подошел к кровати Амори и тронул молодого человека за плечо.

— Кто тут? — испуганно спросил сонный Ноэ, вскакивая с постели.

— Тише! Это я, — шепнул Генрих. — Встань без шума и иди со мной!

Не совсем еще проснувшись и не совсем понимая, в чем дело, Ноэ тем не менее повинился. Когда же Генрих знаком предложил ему заглянуть в щелку, он увидел, что парфюмер королевы Екатерины Медичи Рене Флорентиец сидит в кухне на скамейке, а перед ним с лампой в руках стоит трактирщик.

— Вы не знаете меня? — спросил итальянец.

— Нет, ваша милость.

— Но вам приходилось слышать о королеве Екатерине Медичи?

— Ах, Господи Иисусе Христе! — вскрикнул трактирщик, кланяясь с выражением величайшего почтения.

— Читать умеете? Да? — продолжал итальянец. — Так прочтите вот это! — И с этими словами Рене развернул перед глазами трактирщика кусок пергамента, на котором было написано: *«Предписывается давать предъявителю сего свободный пропуск повсюду и в случае необходимости оказывать ему полное содействие. Екатерина»*. — Теперь отвечай мне! — потребовал Рене. — Остановился у тебя сегодня кто-нибудь?

— Да, у меня пять постояльцев, ваша честь.

— А среди них нет молодой красивой женщины, путешествующей с двумя мужчинами?

— Да, ваша честь, с горожанином и слугой.

— А еще кто стоит у тебя?

— Два молодых дворянина, как видно, приехавших издалека.

— Ах так! — воскликнул Рене, и его глаза загорелись угрозой. —

Ну-ка опиши мне, каковы они собою?

Трактирщик дал соответствующее описание.

— Это они! — заявил Рене. — Где они спят?

— На первом этаже.

— А дама?

— В комнате рядом.

— Она одна там?

— Да, но толстый горожанин спит в соседней комнате.

— А слуга?

— В конюшне с конюхом.

— Отлично! — потер руки Рене. — А теперь скажи мне еще следующее: очень ли дорожишь ты своей шкурой? Если да и если тебе не очень-то по нутру висеть на одном из ближайших к дому деревьев, то рекомендую тебе разбудить жену и детей, если этот товар у тебя водится, и увести их куда-нибудь подальше от дома. Ночь прекрасна, и вам не грозит простуда, даже если вы доспите на свежем воздухе.

— Но помилуйте, ваша честь, ведь вы прогоняете меня из моего собственного дома! — испуганно пролепетал трактирщик.

— Отнюдь нет! Я просто предлагаю тебе временно покинуть его, а с восходом солнца ты можешь снова вернуться сюда. Ты кажешься мне добрым парнем, и я прикажу моим людям не поджигать твоей гостиницы!

— Но что вы сами будете делать здесь?

— А это уж мое дело. Только на прощанье дам тебе добрый совет: если по возвращении домой ты найдешь четыре трупа, то сейчас же вырой яму в саду и закопай их туда.

— Но полиция...

— Полиция ровно ничего не узнает, а если узнает, то шепни ей мое имя. Меня зовут Рене Флорентиец!

Должно быть, это имя было хорошо знакомо трактирщику, так как на его лице сейчас же отразился сильный испуг.

Между тем фаворит королевы-матери встал и прибавил:

— А теперь поторапливайся и улепетывай без оглядки.

Сказав это, он повернулся и направился к дверям, чтобы выйти к ожидавшему его конному отряду. Но не успел он взяться за ручку двери, как на лестнице показался человек с аркебузой в руках, направленной прямо на Рене. Последний от неожиданности выпустил из рук дверную скобу, а человек с аркебузой — это был Генрих Наваррский — сделал три шага по направлению к Рене и крикнул:

— Если ты сделаешь хоть одно движение, я убью тебя, как собаку!

У Рене Флорентийца имелись шпага и кинжал, но у него не было огнестрельного оружия, а он уже достаточно знал теперь своего

противника, чтобы не сомневаться в способности того сделать так, как он говорил.

Не опуская дула аркебузы, принц произнес:
— Ноэ, друг мой, подойди к этому господину.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ